

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ И ДЕТИ

На протяжении всей семейной жизни Толстой отдавал много сил и дум воспитанию детей. Он вносил в их жизнь массу юмора и жизнерадостного веселья. Он умел оживить всех и переломить сумрачные настроения. Одним из средств для этого являлся часто применявшийся «бег нумидийской конницы».

Бывало, сидят все в зале после отъезда скучных гостей, ссор, детских слез, недоразумения. Все притихли. И вдруг Лев Николаевич срывается со стула, поднимает одну руку вверх, и, помахивая кистью ее над головой, стремглав бежит галопом вприпрыжку вокруг стола. Все летят за ним, в точности повторяя его движения. Обежав вокруг комнаты несколько раз и запыхавшись, все садятся на свои места — уже совсем в другом настроении. Все оживлены и веселы. Ссоры, скука и слезы забыты...

По представлению детей, мама была первым человеком в доме, от нее зависело все. Она заказывала повару обед, отпускала ребят гулять, шила детское платье и белье; она всегда кормила грудью какого-нибудь маленького и целый день торопливыми шагами бегала по дому. С ней можно было капризничать, хотя иногда она бывала сердита и наказывала. С папой капризничать не полагалось. Когда он смотрел в глаза, то знал все, и потому лгать ему было невозможно. И ему никто никогда не лгал. Папа никого никогда не наказывал и почти никогда не заставлял детей что-нибудь делать, а выходило всегда так, что все, как будто по своему собственному желанию и почину, делали все так, как он этого хотел.

«Мама часто бранила нас и наказывала, — рассказывает Илья Львович, — а отец, когда ему нужно было заставить нас что-нибудь сделать, только пристально взглядывал в глаза, и его взгляд был понятен и действовал сильнее всякого приказа».

Вот разница между воспитанием отца и матери. Бывало, понадобится на что-нибудь двугривенный. Если идти в маме, она начнет подробно расспрашивать, на что нужны деньги, наговорит кучу упреков и иногда откажет. Если пойти к папе, он ничего не спросит, — только посмотрит в глаза и скажет: «Возьми на столе». И, как бы ни был нужен этот двугривенный, я никогда не ходил за ним к отцу, а всегда предпочитал выпрашивать его у матери. Громадная сила отца как воспитателя заключалась в том, что от него, как от своей совести, прятаться было нельзя.

По мнению автора, искусство отца-воспитателя состояло в

- 1) чтении правоучений
- 2) умении критиковать
- 3) способности убедить поступать по совести
- 4) требовании подчинения
- 5) строгости наказания